

Внешиполитическая ориентация как фактор электорального поведения: результаты социологических опросов в Беларуси, Грузии и Казахстане

И.Ю. Окунев, М.Н. Шестакова

Московский государственный институт международных отношений (университет)

В постпандемные 2021–2022 годы постсоветское пространство вступило в стадию решающей трансформации, которая станет тестом для стран региона на предмет зрелости их государственных институтов, сформированных 30 лет назад. В исследовании зафиксирован слепок общественных настроений в данных странах накануне этой волны трансформации – оно основано на серии масштабных социологических опросов в Беларуси, Грузии и Казахстане, проведенных сразу после последних выборов в нижние палаты парламентов этих стран в еще докризисную эпоху. Главный исследовательский вопрос социологического исследования состоял в выявлении демографических и географических закономерностей в определении отношения избирателей к перспективам отношений с Россией. Были взяты страны с традиционно разными стратегиями отношений с Россией: стратегический союзник Республика Беларусь, дружественный, но проводящий многовекторную политику Казахстан и в целом враждебная на уровне политического класса Грузия. Анализ показал, что в вопросах ориентации на положительные отношения с Россией у избирателей этих стран было больше общего, чем различий. По итогам анализа можно выделить несколько линий размежеваний: во-первых, «макрорегиональная, геополитическая» между Беларусью и Казахстаном, с одной стороны, и Грузией – с другой. Второй раскол по линии «центр – периферия» происходит внутри государств, такое размежевание выделяли многие исследователи, выделяли применительно к России, однако такие же размежевания мы обнаружили в Беларуси («Минск и вся остальная страна»), отчасти в Грузии и в Казахстане. Наконец, авторы допускают вероятные размежевания по линиям север – юг в Грузии (и в какой-то степени в Казахстане как результат территориальной дифференциации в проживании русских в северных областях республики, где более четко проявляются симпатии к России, нежели в отдаленных от неё южных регионах) и немного в Беларуси – в регионах, пограничных с Россией и Украиной.

Ключевые слова: электоральная география, постсоветское пространство, Беларусь, Грузия, Казахстан, социологический опрос, внешнеполитическая ориентация

УДК: 327.83

Поступила в редакцию: 05.10.2022 г.

Принята к публикации: 10.12.2022 г.

На протяжении трёх лет исследовательский коллектив авторов занимался реализацией проекта¹ по изучению электорального поведения жителей государств, пограничных с Российской Федерацией. Среди прочего, перед авторами стояли задачи сравнить отношение жителей соседних государств к России и её гражданам, а также выбрать формат этих взаимоотношений.

В работе над проектом применялись разные методы исследования, позволяющие ответить на главный вопрос: существуют ли внутритерриториальные различия в электоральном поведении жителей соседних с Российской Федерацией стран, и есть ли различия в отношении к России у жителей этих государств.

Авторы использовали качественные и количественные методы эмпирических исследований: экспертные опросы, включённое наблюдение на территории, а также массовое телефонное анкетирование. Благодаря последнему методу авторы смогли сопоставить результаты исследования по трём странам: Беларуси, Грузии и Казахстану.

Выбранный авторами исследовательский дизайн позволил затронуть ряд вопросов, важных не только для изучения электоральных предпочтений, но и в широком теоретическом контексте социальных наук. Основная зависимая переменная – отношение к соседней стране – региональному лидеру – важна для целого ряда направлений в рамках международных исследований. Следует признать, что, несмотря на широкое употребление в политическом дискурсе термина «отношение» применительно к образу одной страны в общественном сознании другой, набор теорий, который концептуализирует данное явление, ограничен.

Принято считать, что отношение к государству как к предпочтительно дружественному или враждебному тесно связано с показателями его «мягкой силы», и в связи с этим настоящее исследование продолжает работу по накоплению эмпирического материала по российской мягкой силе на постсоветском пространстве (Казанцев, Меркушев 2008; Лебедева, Харкевич 2014; Савчук, Франц, Сайдмагомедова 2022).

Образ зарубежных государств выступает объектом исследования в работах по популярной критической геополитике, в рамках когнитивной теории внешней политики и при изучении национальных брендов. Популярная критическая геополитика фиксируется на рассмотрении географически определённых когнитивных конструкций (образов, стереотипов, ментальных карт и их взаимоотношений) в массовом сознании (Окунев 2009). Раскрываются вопросы формирования таких когнитивных конструкций в отдельных странах (Sharp 2011) и регионах, а также происходящие в них события (Strüver 2007; Hazbun 2011).

¹ Проект получил поддержку Российского научного фонда: Проект № 19-78-10004 «Трансформация электорального поведения в регионах зарубежных стран, приграничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ».

Особо следует отметить работы В.А. Колосова, в которых акцент сделан на фиксировании образов по линиям Россия – Запад, Россия – Восток (Kolossova 2003) и Запад – не Запад (Kolossova 2013).

Существующая на стыке политической психологии и неоклассического реализма в рамках теории международных отношений когнитивная теория внешней политики также уделяет большое внимание формированию образов иностранных государств и тому, как это влияет на внешнюю политику. Ещё в 1959 г. понятие «образ государства» и матрицу «дружелюбности – враждебности» ввёл в научный оборот один из основателей общей теории систем Кеннет Боулдинг (Boulding 1959). Вопреки его утверждениям о том, что образы как в сознании элит, так и в массовом сознании в конечном итоге влияют на процесс принятия политических решений, ранние работы ограничивались анализом лиц, принимающих решения. В их центре было изучение того, как различные сигналы формируют, например, «советский образ американской решимости» (Jervis 1970: 247)². Постепенно в рамках когнитивной теории внешней политики исследователи начали интегрировать образы в сознании рядовых граждан в теоретический анализ (Schweller 2004; O'Reilly 2007) и даже фокусироваться исключительно на широких слоях населения (Kunczik 1996; Alexander, Levin, Henry 2005; Castano, Bonacossa, Gries 2015).

Наконец, в отдельное направление на стыке теории международных отношений и связей с общественностью выделяется литература по «национальным брендам». В ней уделяется большое внимание технологиям формирования образа государства за рубежом с акцентом на деятельность разных типов акторов, включая государства, ТНК, международные организации и неправительственные организации (Dinnie 2014; Sriramesh, Verčič 2003: 399, 522). Вопросы, заданные в настоящем исследовании, отходят от традиционной фиксации образов сущего в сторону образов желаемого, открывая возможности для постановки новых исследовательских вопросов в рамках трёх описанных выше исследовательских направлений.

Массовые социологические опросы в виде формализованных, структурированных интервью – один из популярных инструментов, социологических исследований. Данный инструмент востребован, когда необходимо за короткий срок получить срез общественного мнения, а стандартизированные закрытые вопросы пригодны для сбора большого массива «однотипных данных» (Белановский 2019), поддающегося классификации и интерпретации с помощью статистических и математических методов.

Слабым местом количественных методов можно считать тот факт, что они «могут использоваться для получения ответов на некоторые стандартные вопросы и для изучения стационарных процессов» (Белановский 2019).

² В более поздних работах в том же значении используется термин «восприятие».

Существенные недостатки метода заключаются в его высокой стоимости в прямом смысле этого слова, а также в том, что при данном виде опроса сложно скорректировать выборку по полу, возрасту, профессии, образованию и т.д. (вернее, это возможно, но не имеет смысла из-за увеличивающихся временных, человеческих и материальных затрат).

Среди достоинств можно отметить, что ключевым элементом научного метода в социологии является возможность сопоставить ответы при использовании одних и тех же вопросов (Венкатеш 2017). Именно эта идея и легла в основу нашего исследования: провести предельно схожее анкетирование жителей соседних с Россией государств для того, чтобы иметь возможность максимально операционализировать и сопоставить ответы респондентов. К тому же, если, как в нашем случае, выборка географически разрознена, этот метод подходит лучше других (Браймен, Белл 2012). Среди существенных ограничений телефонного опроса можно отметить ограниченность по времени и, соответственно, краткий перечень вопросов.

Одним из важных критериев отбора стран-соседей для проведения данного исследования был выбор государства, чья политика на протяжении постсоветского времени была максимально дружеской по отношению к российскому государству и чьи жители вероятнее всего чувствуют себя комфортно при общении с жителями соседнего государства (Беларусь); государства относительно «нейтрального» (Казахстан), а также государства, отношения с которым у России после распада СССР имели отрицательную динамику (Грузия).

Другим важным условием сравнимости соцопросов в разных странах была возможность приурочить их проведение к парламентским выборам в них. Все опросы проводились сразу после выборов в национальные парламенты: ноябрь 2019 г. в Белоруссии, ноябрь 2020 г. в Грузии и январь 2021 г. в Казахстане. В Казахстане и Беларуси массовые телефонные опросы были в дальнейшем дополнены экспертным интервьюированием.

Как свидетельствуют сроки опросов, ответы респондентов были даны до существенных геополитических трансформаций, которые произошли настоящее время. Зафиксированные «температура и градус общественного мнения» приурочены к электоральному циклу в каждой из стран, что позволяет сопоставлять результаты анкетирования, несмотря на разные годы проведения.

Основным требованием к телефонным опросам со стороны исследователей была контролируемая, равномерная (по возможности) выборка во всех регионах государств. Это важно для установления наличия / отсутствия внутрирегиональной дифференциации. Интервьюеры фиксировали пол, возраст, национальную принадлежность респондентов (с их слов). Социальные и экономические характеристики опрашиваемых (образование, профессия, доход и т.д.) остались за рамками данного анкетирования. Все вопросы были закрытыми, использовался метод случайной выборки.

Объективным ограничением проводимых соцопросов можно назвать звонки только на стационарные устройства, что в ряде случаев сокращало потенциальную базу опрашиваемых в малонаселённых или труднодоступных регионах (например, в ряде горных областей в Грузии), а также тот факт, что опросы проводились на русском языке. Последнее ограничение совсем не сыграло роли в Беларуси и почти в Казахстане, но повлияло на состав респондентов и, соответственно, на их ответы в Грузии. Интересно, что согласно исследованию А.Г. Манакова в ряде стран постсоветского пространства распространение русского языка даже увеличилось, хотя очевидно, в этих странах «статус русского языка... также связан с долей русскоговорящего населения, но при этом сильно зависит от политической конъюнктуры» (Манаков 2021: 345). И это как раз касается государств, в которых были проведены соцопросы.

В анкете были представлены максимально унифицированные вопросы, относящиеся, в первую очередь, к социальным и культурно-бытовым практикам, связанным с взаимодействием жителей стран-соседей с Россией, а также с оценкой особенностей электорального поведения жителей.

Наиболее важными при анализе представлялись поиск территориальной дифференциации ответов на вопросы анкеты внутри изучаемых стран, попытка ответить на вопрос, есть ли какие-то отличия и закономерность в ответах между жителями приграничных с Россией регионов и остальных частей государств.

Это, собственно, и была первоначальная цель проекта – «изучить электоральную специфику пограничья в силу его особого положения» (Шестакова 2019: 444), тем более что в отечественной научной литературе наблюдается нехватка такого рода исследований. В качестве примера можно привести работы А.С. Зиновьева (Зиновьев 2015), А.Г. Манакова (Манаков 2016), И.Н. Тарасова и Е.С. Фидри (Тарасов, Фидри 2016).

Протяжённость границ исследуемых стран с Российской Федерацией различается от 561 км (де-факто) с Грузией³, – 1239 км – с Беларусью, до 7598,6 км – самой протяженной с Казахстаном. Число регионов, граничащих с РФ, в сопредельных странах также разнится: в Республике Беларусь – три области; в Грузии – четыре, причём данная граница из всех вышеперечисленных самая сложная с точки зрения физической доступности (в качестве барьера выступает Северо-Кавказский хребет); в Казахстане – семь областей.

В ходе исследования в дополнение к основной гипотезе (наличие специфического электорального поведения жителей пограничных с Россией регионов) возникла дополнительная, согласно которой существует территориальная дифференциация между «центром» (столицей) и «периферией» в исследуемых государствах по отношению к своему большому соседу.

³ Протяжённость границ с Грузией де-факто и де-юре отличается.

Верификацией этих гипотез и послужили эмпирические исследования в виде проведённых социологических опросов. В общей сложности количество звонков по трём странам насчитывает почти 20 тысяч, получено 1577 полноценных анкет.

В 2020 г. авторы опубликовали результаты аналогичного исследования по Белоруссии (Okunev, Shestakova, Bibina 2020). Авторам представлялся тогда релевантным формат тестирования нескольких рабочих гипотез, поэтому при сопоставлении результатов опросов по трем странам авторы сочли допустимыми аналогичное тестирование и представление результатов.

В ходе анализа ответов было проверено несколько рабочих гипотез, рассмотрим их по порядку.

Согласно первой гипотезе старшее поколение настроено дружелюбнее по отношению к России и больше выступает за союзнические / партнёрские отношения между странами, чем более молодые граждане.

Авторы исходили из предположения, что старшее поколение помнит жизнь в Советском Союзе, возможно, идеализирует её, и, соответственно, может сработать эффект ностальгии по лучшим молодым годам жизни, и ответы на вопросы будут иными, чем у других возрастных групп. Феномен ностальгии по Советскому Союзу на постсоветском пространстве широко изучен в зарубежной и эмигрантской литературе по русистике и постсоветским исследованиям (White 2010; Lee 2011; Mazur 2015; Kalinina, Menke 2016). Наличие такой ностальгии подтверждается, особенно среди представителей старшего поколения⁴.

Хотя во всех исследуемых странах официальная планка пенсионного возраста поднята⁵, мы выделили «старшее поколение» более традиционно – от 55 лет. Остальные две возрастные группы: «молодёжь» – интервьюируемые до 35 лет и «среднее поколение» – от 35 до 55 лет.

Больше всего молодых людей среди опрошенных было в Казахстане (41,8%), в остальных странах эта доля не превышала четверти от всей совокупности респондентов (Беларусь – 24%, Грузия – 19,6%). Удельный вес средней возрастной группы составлял примерно половину от всех опрошенных во всех исследуемых государствах. Старшая возрастная группа оказалась самой малочисленной в Казахстане (13,2%). Вероятно, различия удельного веса респондентов по возрасту могли повлиять и на различия в ответах интервьюируемых, однако мы постарались сравнить в рамках нашей гипотезы ответы возрастных групп именно внутри самих государств, а потом, соответственно, их доли между самими государствами.

⁴ Почему молодые тоскуют по СССР. *Ведомости*. 26.12.2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/12/26/746513-rossiya-skuchaet-po-sssr> (дата обращения: 25.12.2022).

⁵ В 2022 г. в Грузии пенсионный возраст составлял 65 лет для мужчин, 60 лет для женщин; в Беларуси – 63 года для мужчин и 58 лет для женщин; в Казахстане – 63 года для мужчин и 60 лет для женщин.

В ходе телефонного опроса всем респондентам был задан вопрос: какой формат взаимоотношений с Россией как страной-соседом они предпочитают. Варианты ответа: союзнический, партнёрский, нейтральный или враждебный. Вполне ожидаемо жители Белоруссии и Казахстана в большей степени выбрали союзнический формат: более половины опрошенных выступили за такой тип взаимоотношений (57,6 и 58,9% соответственно). Если учитывать данные по выбору ответов союзнического и партнёрского формата отношений суммарно, то данные будут весьма впечатляющие: 89,4% в Беларуси и 86,3% в Казахстане. Другие цифры наблюдаем в Грузии, что естественно, учитывая сложные отношения с Россией на протяжении всего постсоветского периода. Тем не менее в Грузии более 40% респондентов выступали за союзнические отношения между странами. Если суммировать данный ответ с выбором партнёрских отношений, то для Грузии их доля составляла почти $\frac{3}{4}$, что достаточно велико. Разброс по выбору варианта ответа за нейтральные отношения значителен: каждый десятый респондент в Беларуси и каждый пятый в Грузии. Очень мала доля тех, кто хотел бы видеть между нашими государствами враждебные отношения: это 0,2 и 0,3% в РБ и Казахстане, и 3,2% в Грузии. На рисунках 1 и 2 продемонстрировано сопоставление ответов респондентов по всем странам, где интервьюеры выступали за союзнические и нейтральные отношения между своим государством и Россией.

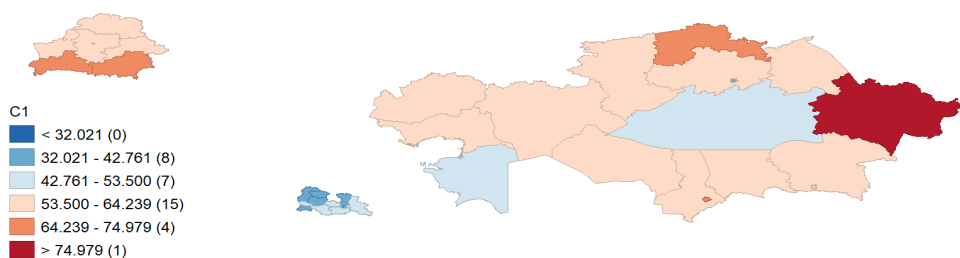

Рисунок 1. Картограмма стандартных отклонений по выбору союзнического формата отношений между государствами и Россией⁶

Figure 1. Cartogram of standard deviations on the choice of the allied format of relations between states and Russia

⁶ Картограмма среднеекватрического отклонения разбивает наблюдения на шесть групп: три оттенками синего отображают данные ниже среднего, три оттенками красного – выше среднего. При этом более насыщенный цвет обозначает степень отклонения от среднего (в один и два среднеекватрических отклонения, соответственно, а значит поэтому можно судить об отклонениях в распределении явления от нормального (по Гауссу-Лапласу).

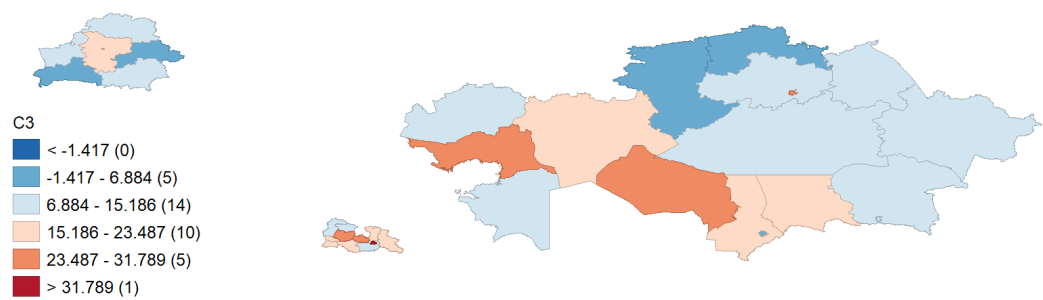

Рисунок 2. Картограмма стандартных отклонений по выбору нейтрального формата отношений между государствами и Россией
Figure 2. Cartogram of standard deviations for choosing a neutral format of relations between states and Russia

Как показывают данные, в Беларуси и Казахстане больше всего выступают за союзнические отношения все группы независимо от возраста. При этом между группами практически нет никакой дифференциации не только в РБ и РК (до 1,1 раза), но и в Грузии разница между «поколениями» не столь существенна (1,5 раза) при более низких значениях в самом удельном весе (см. табл. 1) и при небольшом перевесе в старшей возрастной группе. Примечательно, что и при крайне низких абсолютных значениях тех, кто выступил за враждебные отношения, наблюдается больший удельный вес старшего поколения.

Таблица 1. Удельный вес возрастных категорий в изучаемых странах, выступающих за разные форматы отношений (в % от всей возрастной группы)
Table 1. The proportion of age categories in the studied countries that advocate different formats of relations (in % of the entire age group)

	Союзнические отношения	Партнёрские	Нейтральные	Враждебные
Беларусь				
Молодёжь	53,3	31,7	15	-
Среднее поколение	58,3	33,2	7,7	0,4
Старшее поколение	59,1	29,1	11,8	-
Грузия				
Молодёжь	29,6	33,7	34,7	2
Среднее поколение	45,6	30,9	20,8	2,7
Старшее поколение	46	31,7	18	4,3
Казахстан				
Молодёжь	59,3	26,1	14,1	0,5
Среднее поколение	58,3	26,6	15,1	-
Старшее поколение	59,2	34,2	5,3	1,3

Необходимо отметить, что аналогичное соотношение наблюдается при суммарном значении долей тех, кто выступает и за союзнические, и за партнёрские отношения. Более наглядно это продемонстрировано на рисунке 3.

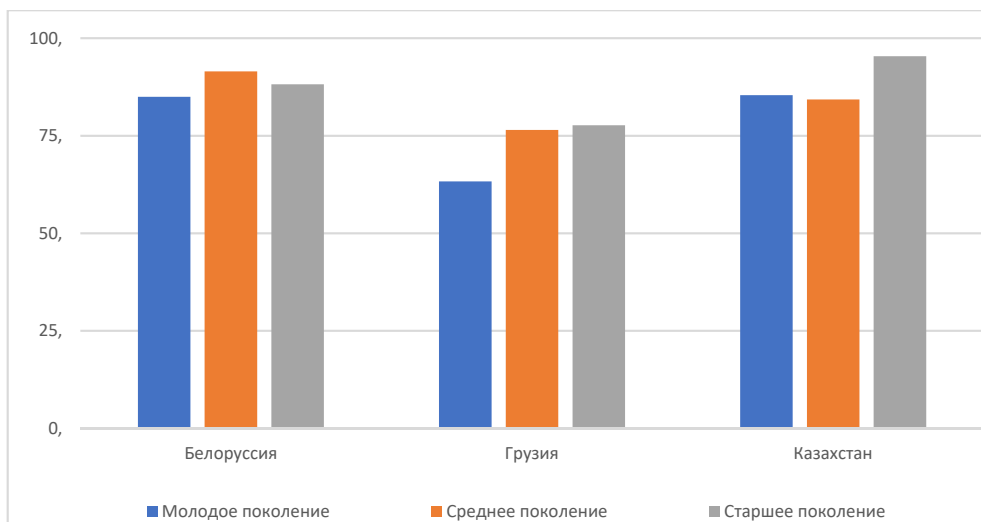

Рисунок 3. Удельный вес возрастных групп, выступающих за союзнические и партнёрские отношения с Россией

Figure 3. The proportion of age groups advocating allied and partnership relations with Russia

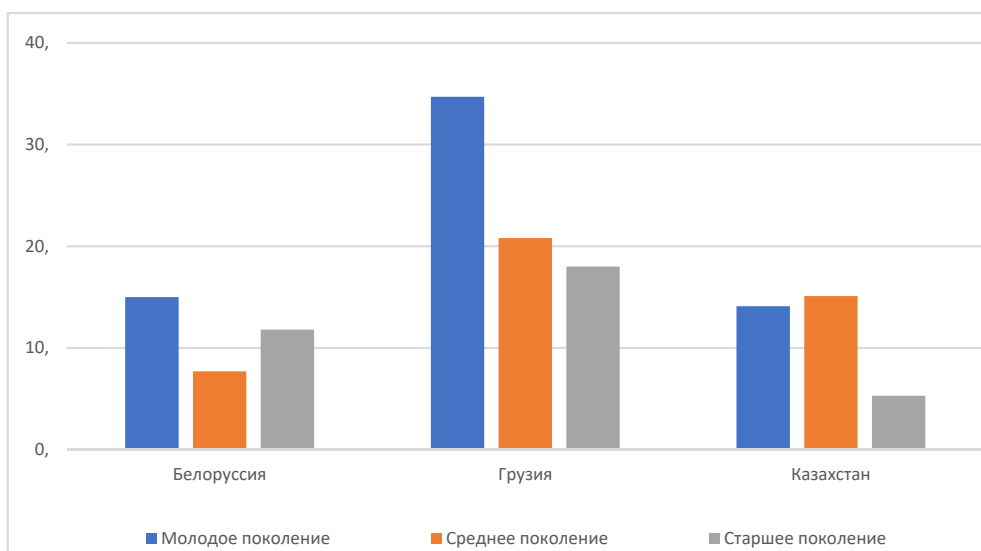

Рисунок 4. Удельный вес возрастных групп, выступающих за нейтральные отношения с Россией

Figure 4. The proportion of age groups advocating neutral relations with Russia

Если сравнивать ответы между поколениями, то видно, что старшее поколение в среднем по своим ответам на данный вопрос не сильно отличается от молодёжи, немного выделяются показатели в Грузии, но если брать только союзнический формат отношений (в 1,5 раза) и суммировать с партнёрским, данная дифференциация нивелируется. Большой поколенческий разрыв наблюдается,

если проанализировать ответы респондентов, выступающих за нейтральные отношения между странами. Здесь мы видим, что старшее поколение в меньшей степени предпочитает именно такой формат. Разница составляет от 1,3 раза в Беларуси (самая низкая дифференциация) до 2,7 раза в Казахстане (что неожиданно, поскольку по другим форматам жители разного возраста, проживающие в республике, довольно единодушны). Промежуточное место занимает Грузия (1,9 раза). Более чётко это видно на рисунке 4.

Несколько отличные цифры наблюдаем, сравнивая выборы вариантов ответов по каждой возрастной группе: например, в Беларуси молодёжь выбирает союзнический формат отношений в 3,5 раза чаще, чем нейтральный, а в возрастной категории старшего поколения это превышение составляет уже пять раз и достигает максимального превышения в 7,5 раза у среднего поколения. Нечто подобное прослеживается в Казахстане, однако здесь минимальный разрыв в выборе вариантов ответов между союзническим и нейтральным составляет у среднего поколения (3,8 раза), а максимальный – у старшего (11,2 раза). В Грузии данный разрыв меньше всего: максимальный у старшего поколения (2,5 раза), до 1,2 раза – у молодого поколения. Однако в последнем случае видим важное отличие: единственный раз, когда именно в данной возрастной группе есть превышение выбора ответа нейтрального формата взаимоотношений над союзническим, который, однако, нивелируется, если суммировать выбор союзнического и партнерского вариантов (см. табл. 1). Таким образом, данная гипотеза подтверждается частично. Второе предположение состояло в том, что население титульной нации в государствах, где проводились исследования, настроено менее «пророссийски» по сравнению с этническими русскими, проживающими на территории этих стран (то есть меньше выступает за формат союзнических и партнёрских взаимоотношений).

Рассматривая обратное прочтение данной гипотезы, можно проверить тезис об особом отношении русских соотечественников к развитию связей их страны проживания с Россией. Хотя русские жители постсоветских государств редко рассматриваются как диаспоры, ничто не мешает проверить, работает ли базовый тезис об особом отношении представителей национальности к государству, где данная национальность является титульной (Лошкарёв 2015), на примере ряда государств постсоветского пространства.

В опросах авторов в основном принимало участие титульное население. Полученные в ходе соцопроса данные по государствам несколько отличаются от официальной статистики, это связано, в том числе, и с особенностями самого жанра телефонного опроса, а также (отчасти) и с тем, что анкетирование шло на русском языке. Необходимо отметить общую тенденцию во всех изучаемых странах: в постсоветский период происходили процессы «этнизации», выражавшиеся в постепенном увеличении удельного веса титульной нации при уменьшении доли всех остальных этносов, и особенно русского. В разных странах данный процесс шёл с различной скоростью, но трек к увеличению моно-

этничности после распада Советского Союза очевиден. При этом существуют различные условия жизни русскоязычного населения: так, в Белоруссии и Казахстане⁷ русские и русскоязычные граждане чувствуют себя довольно комфортно, русский язык остаётся языком межнационального общения.

В Беларуси во время опроса 77,6% респондентов идентифицировали себя как представители коренной национальности: это меньше, чем по официальной статистике (83,7%⁸), 14,4% представились русскими (по данным переписи их в республике проживает 8,26%), на другие национальности пришлось 8%. К прочим национальностям в нашем опросе в первую очередь относятся поляки (2,8 против 3,1% государственной статистики), компактно проживающие в Гродненской области, и украинцы (2,4 вместо 1,7%⁹).

В Грузии подавляющее большинство опрошиваемых принадлежит к титульной нации, её доля последовательно увеличивалась в постсоветский период: 86% интервьюируемых ответили на вопрос о национальности, что они грузины, 4,5% – армяне, доля русских составила 3,7%, на прочие национальности пришлось менее 6%. При этом доля лиц грузинской и армянской национальности совпадает с официальной статистикой 2014 г.¹⁰, но доля русских отличается. На территории страны можно отметить районы компактного проживания других национальностей: так, в Квемо-Картли традиционно высока доля азербайджанцев, а в Самцхе-Джавахети – армян, хотя в нашем соцопросе и среди анкетированных оказалось меньше лиц вышеуказанных национальностей, чем зафиксировано в переписи. «В Квемо-Картли доля азербайджанцев составляет 41,8%, армян – 5,1%. В Самцхе-Джавахети 50,5% населения составляют армяне» (Мосаки 2018: 110). В нашем опросе приняли участие в Квемо-Картли 14% азербайджанцев и 4% армян; в Самцхе-Джавахети – 24% армян и 2% азербайджанцев. Некогда многонациональный Тбилиси за три десятилетия стал моноэтническим городом, что и отражено в нашем опросе (97% опрошенных грузины).

В Казахстане соотношение национальностей согласно официальной статистике и тем респондентам, которые принимали участие в опросе, существенно отличается. Так, согласно переписи 2009 г. доля казахов в стране составляет 63,1%, а русских – 23,7%¹¹, в то время как в анкетировании было задействовано

⁷ Во втором пункте статьи 7 Конституции Казахстана сказано: «...наравне с казахским официально употребляется и русский язык». *Конституция Казахстана*. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 25.12.2022).

⁸ *Национальный статистический комитет Республики Беларусь*. URL: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open//public/F501N_ru.saiku (дата обращения: 25.12.2022).

⁹ Там же.

¹⁰ Мосаки Н. Предварительные итоги переписи населения в Грузии: население Грузии составляет лишь 3,7 млн. человек. *Демоскоп weekly*. 2015. № 661–662. 02–15.11. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0661/analit05.php> (дата обращения: 25.12.2022).

¹¹ *Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан*. URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения 25.12.2022).

53,1% казахов и 33,1% русских. Что касается остальных национальностей, то их доля приблизительно одинакова: по официальным цифрам – 13,2%, по опросу – 13,9%. В опросе в эту группу прежде всего входят узбеки – 3,3% и украинцы – 2,4%, что близко данным переписи (2,8 и 2,1% соответственно). Заметим, что в течение всего постсоветского периода государственная политика Казахстана направлена на «казахизацию» страны, поэтому даже после переписи 2009 г. некоторые источники дают другую информацию по национальному составу: казахи составляют 70%, русские – 20%, узбеки – 3%¹².

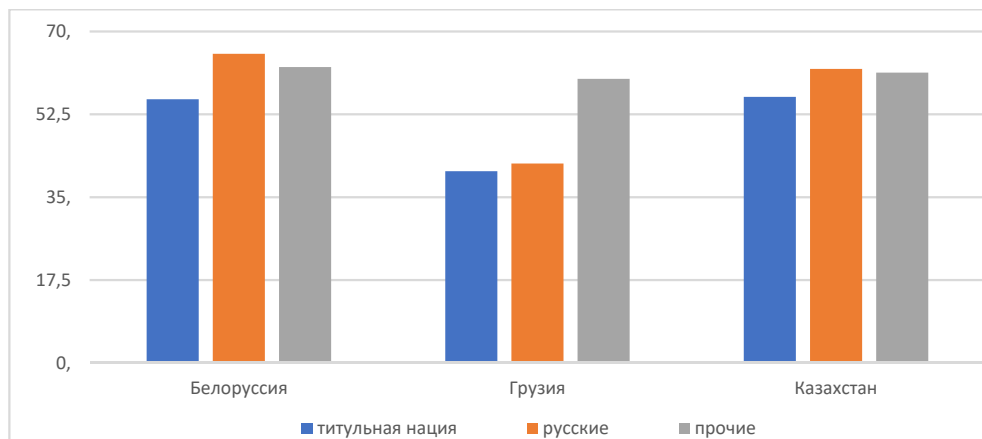

Рисунок 5. Удельный вес граждан разных национальностей, выступающих за союзнические отношения с Россией.

Figure 5. The proportion of citizens of different nationalities who advocate allied relations with Russia.

Согласно данным изучаемых государств, русское население в большей степени выступает за союзнические отношения, нежели титульная нация, но это различие невелико (в 1,2 раза в Беларуси), либо его совсем не наблюдается, как в Казахстане и Грузии (см. рис. 5). Такая же тенденция прослеживается, если суммировать выбор ответов за союзнические и партнёрские отношения. Большие различия в ответах титульной нации по сравнению с русскими и прочими национальностями при выборе нейтрального формата взаимоотношений. Здесь различия достигли существенных величин, особенно в Беларуси и Казахстане (см. рис. 6). Те немногие респонденты, которые выбирали при ответе вариант враждебного характера взаимоотношений (в Казахстане их вообще не было), принадлежали к титульной нации (Беларусь, Грузия) (см. табл. 2). Те, кто был отнесён в группу «прочие национальности», отвечали по-разному. Во всех государствах удельный вес выступающих за союзнические отношения оказался сопоставим с численностью титульного и русского населения.

¹² Статистика и информация. URL: <https://rosinfostat.ru/naselenie-kazahstana-i-statisticheskaya-informatsiya/#i-6> (дата обращения: 25.12.2022).

Если сравнивать полученные ответы внутри выделенных «национальных» групп, то в РК и РБ превышение выбора союзнического формата отношений перед нейтральным для титульной нации составляет 3,4 и 4,9 раза соответственно, в то время как для респондентов, обозначивших себя русскими, такое превышение составляет 7,4 (Казахстан) и 11,9 (Беларусь). Эти цифры и для прочих национальностей выше, чем для титульной (4,9 раза в РК и 8,7 раза в РБ). Меньшая дифференциация между ответами по национальным группам в Грузии: 1,7 раза для титульной нации, два раза для русских и 3,3 раза для прочих национальностей (см. табл. 2).

Таким образом, «национальная» гипотеза подтверждается лишь отчасти.

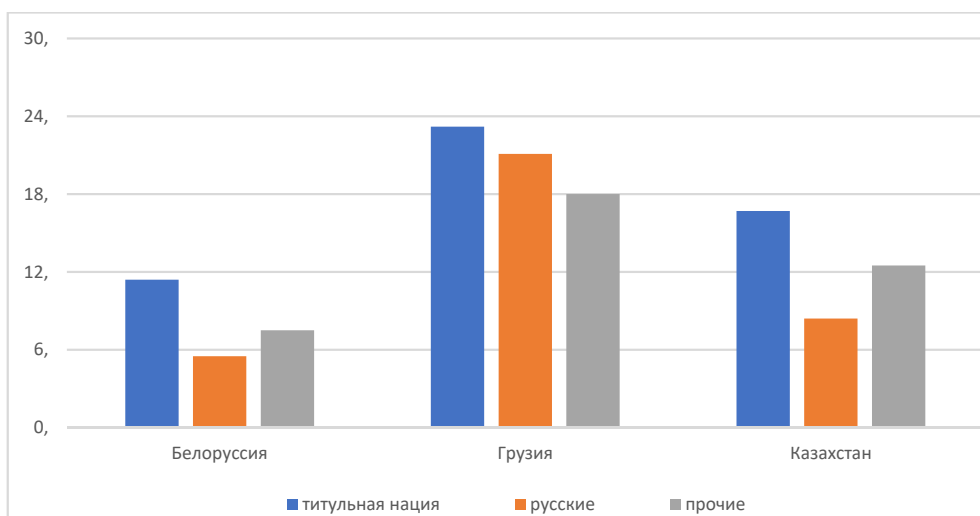

Рисунок 6. Удельный вес граждан разных национальностей, выступающих за нейтральные отношения с Россией.

Figure 6. The proportion of citizens of different nationalities who advocate neutral relations with Russia.

Таблица 2. Удельный вес национальностей в изучаемых странах, выступающих за разные форматы отношений (в % от национальности).

Table 2. The proportion of nationalities in the studied countries advocating different formats of relations (in % of nationality).

	Союзнические отношения	Партнерские	Нейтральные	Враждебные
Беларусь				
Титульная нация	55,7	32,5	11,4	0,4
Русские	65,3	29,2	5,5	-
Прочие	62,5	30	7,5	-
Грузия				
Титульная нация	40,5	32,6	23,2	3,7
Русские	42,1	36,8	21,1	
Прочие	60	22	18	

	Союзнические отношения	Партнерские	Нейтральные	Враждебные
Казахстан				
Титульная нация	56,2	26,5	16,7	0,6
Русские	62,1	29,5	8,4	
Прочие	61,25	26,25	12,5	

Третья гипотеза предполагала, что респонденты, которые чаще бывают в России, больше выступают за союзнические и партнёрские с ней отношения, нежели те, кто никогда не бывал в РФ.

Предположение о том, что развитые коммуникации способствуют интеграции, считается одним из базовых в теории трансакционализма (Deutsch et al. 1957: 36–37). Таким образом, у нас появилась возможность проверить справедливость этого тезиса на материале постсоветских государств, учитывая статус России как лидера региональной интеграционной группировки.

Мы разделили всех респондентов по ответу на данный вопрос на три группы:

- «часто ездят» – бывают в России несколько раз в год;
- «бывают эпизодически» – совершают поездки раз в год и реже;
- «никогда не бывали».

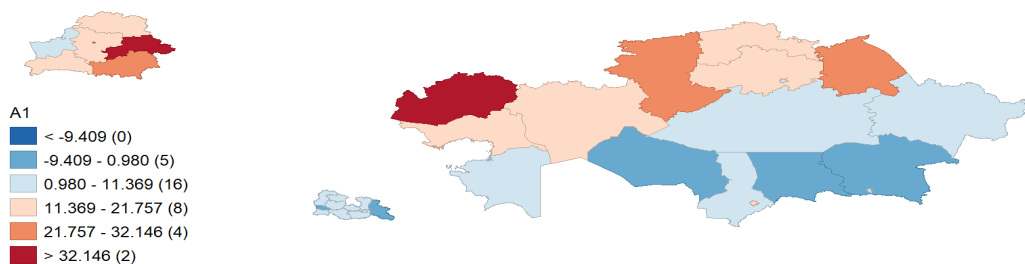

Рисунок 7. Картограмма стандартных отклонений по частоте поездок в Россию (респонденты, которые часто ездят).

Figure 7. Cartogram of standard deviations in the frequency of trips to Russia (respondents who travel frequently).

Разумеется, дифференциация ответов по странам весьма значительна. Очевидно, что самая высокая частота поездок в Россию у граждан Беларуси – каждый пятый респондент выбрал первый вариант ответа; здесь же самый низкий показатель тех, кто никогда не бывал в соседней стране, – 23%. Следующим идёт Казахстан – 13% жителей часто бывают в России, 34% никогда не бывали. В Грузии доля респондентов, которые часто бывают в РФ, совсем мала – 3%, и велика доля тех, кто в России никогда не бывал, – почти 1/3 опрошенных, что свидетельствует о сохраняющейся тенденции по отдалению государств друг от друга. На картограммах (рис. 7 и 8) представлены частота поездок в Россию респондентов стран-соседей.

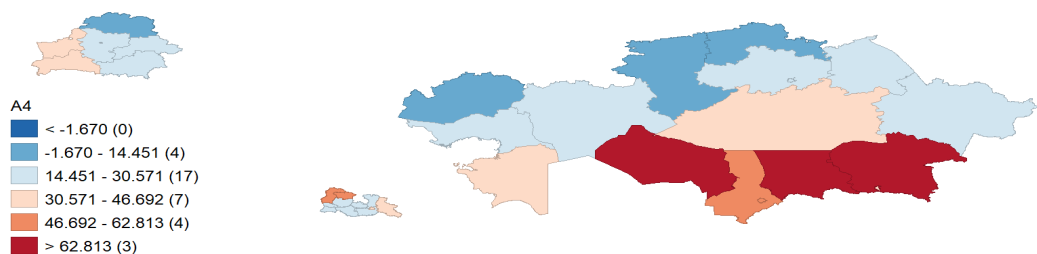

Рисунок 8. Картограмма стандартных отклонений по частоте поездок в Россию (респонденты, которые никогда не были в России).

Figure 8. Cartogram of standard deviations by frequency of trips to Russia (respondents who have never been to Russia).

Велики внутрирегиональные различия в странах, особенно в Беларуси и Казахстане: здесь больше всего ездят в Россию жители пограничных с областями, а меньше всего – отдалённые регионы. В РБ наиболее интенсивные связи у Гомельской и Могилевской областей (в РФ ездит каждый пятый и каждый третий из респондентов), а также Минска (каждый четвёртый из респондентов). Тех, кто никогда не бывал в РФ, больше всего в отдалённых Гродненской и Брестской областях (36,6 и 30,6% соответственно).

Похожая картина в Казахстане: самые активные респонденты проживают в приграничных областях республики: Западно-Казахстанской, Костанайской и Павлодарской (34,3, 28,6 и 25,7% соответственно) и других, которые одновременно включают места компактного проживания русских. Напротив, самое большое число респондентов, никогда не посещавших Россию, проживает в южных областях: Кызылординской, Жамбылской, Алматинской – 70,4, 69,8 и 63,9% соответственно. Связи с Россией опрошенных, проживающих в обеих столицах, нынешней – Астаны и прежней – Алматы, не слишком интенсивны – менее 10% жителей часто посещают РФ.

В Грузии совсем небольшое число респондентов часто бывают в России, поэтому здесь нет сильной дифференциации между административными единицами. Среди респондентов, которые никогда не бывали в России, также нет чётко выраженной территориальной дифференциации: это и соседняя к Абхазии Самегрело (более ½ всех респондентов) и отдалённая Кахети (32,5%), и Тбилиси – 42,4%.

Авторы отмечают разнонаправленные тенденции: во-первых, разрыв между теми, кто часто бывает в России и кто никогда не бывал, и при этом выступает и за союзнические, и за партнёрские отношения, нивелирован в Беларуси и Казахстане. Лишь в Грузии он достаточно велик: те, кто никогда не бывал в России, почти в два раза реже выступают за союзнические отношения по сравнению с респондентами, которые бывают в соседнем государстве несколько раз в год, и даже если суммировать ответы за союзнический и партнёрский форматы отношений, здесь наблюдается разрыв. Очевидно, это связано с тем, что при

сложных официальных отношениях между двумя государствами те, кто часто бывает в России, имеют социальные, родственные и бытовые связи, благодаря чему более дружелюбно относятся к государству-соседу. Авторы отмечают различие между исследуемыми группами, если те выбирали нейтральный формат взаимоотношений. Разница при выборе данного ответа весьма велика во всех странах: в Казахстане и Грузии этот показатель превышает два раза, в Беларуси – в 3,5 раза. При этом удельный вес респондентов, которые никогда не бывали в России и которые хотели бы нейтральных отношений между государствами, значительно выше, чем тех, кто часто бывает в нашей стране (или даже ездит эпизодически) (см. табл. 3).

Таблица 3. Удельный вес граждан, выступающих за различные форматы взаимоотношений с Россией, в зависимости от частоты поездок.

Table 3. The proportion of citizens who advocate various formats of relations with Russia, depending on the frequency of trips.

	Союзнические отношения	Партнерские	Нейтральные	Враждебные
Беларусь				
Часто ездят	54,2	41,1	3,7	0,4
Бывают эпизодически	58,1	30	11,5	0
Никогда не бывали	59,5	27,6	12,9	
Грузия				
Часто ездят	61,5	23,1	15,4	0
Бывают эпизодически	46,2	33,7	16,9	3,2
Никогда не бывали	32,7	28	36	3,3
Казахстан				
Часто ездят	61,33	28	9,33	1,33
Бывают эпизодически	61,6	27,9	10,2	0,3
Никогда не бывали	53,6	26,5	19,9	0

Таким образом, если рассматривать только выбор ответов, касающихся союзнических и партнёрских отношений, то он почти не зависит от частоты поездок (за исключением Грузии), но если учитывать ответ о нейтральном формате взаимоотношений, то налицо превалирование в ответах той группы респондентов, которые никогда не посещали Россию (см. рис. 9).

Учитывая распределение ответов внутри групп в зависимости от частоты поездок, авторы констатируют: наименьшая дифференциация между ответами при выборе союзнического или нейтрального формата взаимоотношений в группе респондентов, которые никогда не бывали в России – от 2,7 раза в Казахстане до 4,6 раза в Беларуси. В Грузии в этой группе обнаруживается пусть небольшое, но превышение выбора нейтрального варианта перед союзническим

(в 1,1 раза), чего нет в других группах. В группе часто посещающих соседнее государство число опрошенных, выбравших союзнический вариант взаимоотношений, существенно: в четыре раза больше в Грузии, в 6,6 раза – в Казахстане, в 14,6 раза – в Беларуси (см. табл. 3). Таким образом, гипотеза частично подтверждается.

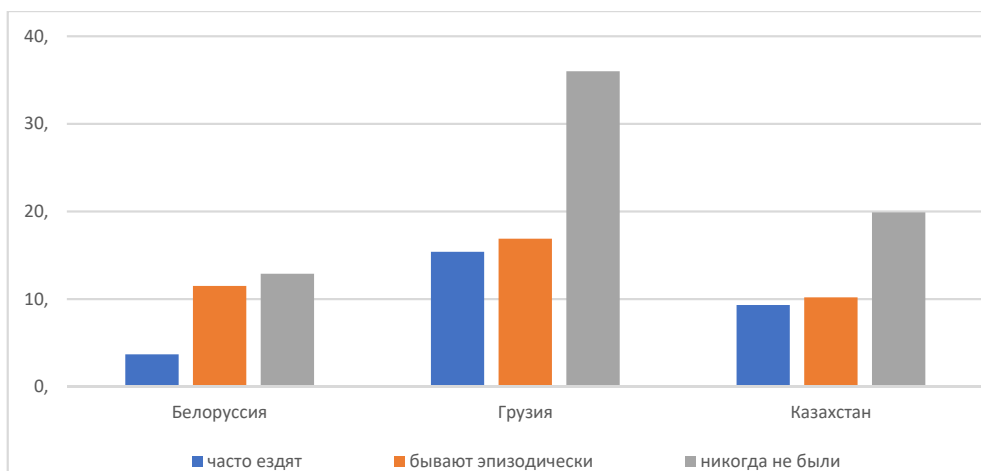

Рисунок 9. Удельный вес граждан, выступающих за нейтральный формат взаимоотношений с Россией в зависимости от частоты поездок.

Figure 9. The proportion of citizens who advocate a neutral format of relations with Russia, depending on the frequency of trips.

Четвертое предположение состояло в том, что респонденты, получающие информацию о России из российских СМИ, выступают за союзнические отношения.

В последнее время появилось много работ, которые концептуализируют иностранное вещание и СМИ как влиятельный инструмент международного влияния. Западные авторы фокусируются на влиянии российских СМИ (Fisher 2020), а российские – на влиянии западных (Зарубина 2018). Одно из базовых предположений этой литературы – тезис о том, что СМИ могут воздействовать на внешнеполитические предпочтения избирателей. Он и будет проверен.

В целом можно отметить, что везде большинство населения предпочитает новые источники информации традиционным СМИ: удельный вес респондентов, получающих новости из интернета, незначительно колеблется от 49,5% (Грузия) до 56,8% (Казахстан).

Доля граждан, интересующихся новостями о своём соседе и получающих информацию из российских СМИ, находится в диапазоне от 20,8% (Казахстан) до 31,7% (Грузия). Каждый десятый анкетированный в Беларуси и Грузии не интересуется новостями о России: в Казахстане удельный вес таких граждан немногим выше и составляет 15,1%. Есть территориальные диспропорции по ответу на данный вопрос и внутри государств, за исключением, пожалуй, Беларуси.

Так, в Грузии меньше всего интересуются жители столицы и Кахети, в Казахстане – в Алматы и Шымкенте.

Авторы предположили, что граждане, получающие информацию о России из её СМИ, более пророссийски настроены и склонны выбирать союзнический формат отношений. Данная гипотеза подтвердилась в той или иной степени, поскольку во всех трёх странах доля смотрящих российские СМИ и выступающих при этом за союзнические отношения превышает долю не интересующихся новостями из РФ, но также выступающих за союзнические отношения в 1,3–1,6 раза (см. рис. 10). Если сравнивать доли тех, кто получает информацию из российских средств массовой информации и выбирает союзнические отношения, с теми, кто также смотрит российские СМИ, но выбирает нейтральный формат взаимоотношений, то разница представляется более существенной: в Грузии она составляет 3,5 раза, в Белоруссии – 8,7, в Казахстане доходит до 12,4 раза (см. табл. 4).

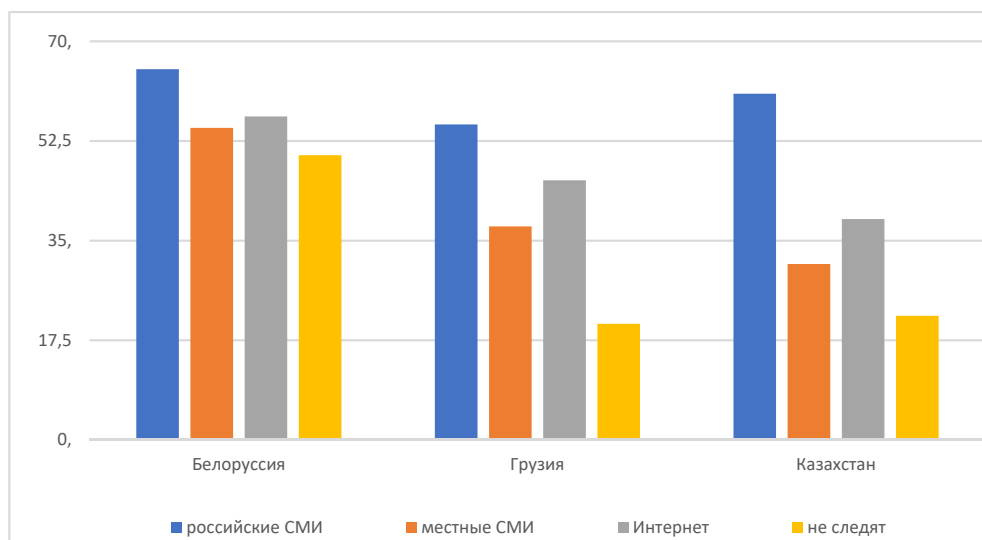

Рисунок 10. Удельный вес граждан, выбирающих разные источники получения информации о России и предпочитающих союзнический формат взаимоотношений

Figure 10. The proportion of citizens who choose different sources of information about Russia and prefer the allied format of relations

Отметим достаточно очевидный факт: доля респондентов, которые не интересуются новостями из России и при этом выступают за нейтральные отношения между странами, везде превышает долю тех, кто также хотел бы видеть взаимоотношения нейтральными, но при этом получают информацию о России из российских источников. Разница между ними составляет от 2,2 раза (Беларусь) до пяти раз (Казахстан) (см. табл. 4).

Таблица 4. Удельный вес граждан, которые получают информацию о России из разных источников и выбирающие разный формат взаимоотношений**Table 4. The proportion of citizens who receive information about Russia from different sources and choose a different format of relationships**

	Союзнические отношения	Партнёрские	Нейтральные	Враждебные
Беларусь				
Получают информацию из российских СМИ	65,1	27,4	7,5	0
Получают информацию из местных СМИ	54,8	35,5	9,7	
Интернет	56,8	32,4	10,1	0,7
Не интересуются новостями из России	50	33,3	16,7	
Грузия				
Получают информацию из российских СМИ	50,9	34	14,5	0,6
Получают информацию из местных СМИ	37,5	37,5	17,5	7,5
Интернет	39,9	30,7	25,4	4
Не интересуются новостями из России	33,3	26	37	3,7
Казахстан				
Получают информацию из российских СМИ	71,7	22,5	5,8	0
Получают информацию из местных СМИ	52,4	30,9	14,3	2,4
Интернет	58,4	29,7	11,9	0
Не интересуются новостями из России	46	24,1	28,7	1,2

Пятая гипотеза авторов исходила из того, что респонденты, которые выступают за союзнические отношения между государствами, считают взаимоотношения с Россией важной политической повесткой.

Мы предположили, что граждане, выбравшие среди ответов союзнический формат взаимоотношений с Россией, должны считать эти отношения важной темой избирательной кампании. Данное суждение подтвердилось. Во всех государствах удельный вес респондентов, которые выбирали союзнические отношения и заявляли, что тема отношения с Россией должна быть актуальной во время избирательных кампаний, значительно выше, чем тех, для кого эта тема не важна и превышают половину (за исключением Казахстана – 45,1%). В Беларуси разница составляет 4,7 раза, в Грузии – четыре раза, в Казахстане – 3,5 раза (см. табл. 5). Соответственно, противоположная картина наблюдается среди тех, кто нацелен на нейтральные отношения между странами и считает, что отношения с Россией важны. Их существенно меньше, чем тех, кто считает не-

важной данную повестку дня. Здесь разрыв также достаточно высок, но в обратную сторону в Беларуси (3,2 раза), и не слишком существенен в Грузии и Казахстане. По-прежнему обращает на себя внимание достаточно высокий процент затруднившихся ответить, причём для всех групп, выбравших разные форматы взаимоотношений. Доля затруднившихся с ответом в группе предпочитающих союзнические и партнёрские отношения в Беларуси и Грузии чуть менее 1/3, в Казахстане – более 40%. Ещё выше эта доля среди выбравших нейтральные отношения опять же в Казахстане (59,7%) и Грузии (39,8%), что может свидетельствовать о некоторой индифферентности к данной проблематике. Лишь в Беларуси граждане, выбравшие нейтральный формат отношений, в большей степени определяют тему взаимоотношений с Россией как неважную – 62,7%, а считают важной темой или затруднились с ответом примерно одинаковое количество (19,6 и 17,7% соответственно) (см. табл. 5).

Таблица 5. Удельный вес респондентов, предпочитающих разные форматы взаимоотношений и считающих отношения с Россией важной / неважной темой повестки дня избирательный кампаний

Table 5. Proportion of respondents who prefer different formats of relations and consider relations with Russia an important/unimportant topic on the agenda of election campaigns

	Важная тема	Неважная тема	Затрудняются ответить
Беларусь			
Союзнические	58,3	12,5	29,2
Партнёрские	45,3	24,5	30,2
Нейтральные	19,6	62,7	17,7
Враждебные			
Грузия			
Союзнические	56,8	14,1	29,1
Партнёрские	39	31,4	29,6
Нейтральные	34,5	25,7	39,8
Враждебные	31,2	43,8	25
Казахстан			
Союзнические	45,1	13	41,9
Партнёрские	39,2	20,3	40,5
Нейтральные	22,1	18,2	59,7
Враждебные	0	0	100

Гипотеза шестая: граждане, которые проявляют больше симпатии к пророссийски настроенным кандидатам в депутаты, чаще других выступают за союзнические отношения.

Респондентам был задан вопрос о пророссийски настроенных кандидатах в депутаты национальных парламентов. Интервьюеров интересовало, какое отношение может быть к кандидату, если он в ходе своей предвыборной кампании

делал акцент на взаимоотношениях с Россией, обращали ли респонденты на это внимание, и если обращали, то это повышало или, наоборот, понижало симпатии к кандидату. Отметим, что в целом по странам удельный вес опрошенных, испытывавших симпатию к такому кандидату, не слишком велик и колеблется в диапазоне от 25,5% (Казахстан) до 38,5% (Грузия), в Беларуси – чуть более 30% (см. рис. 11). При этом доля респондентов, которым безразлично, обращает ли кандидат в депутаты внимание на отношения с Россией, весьма велика: менее «аполитичны» в Грузии (53,7%), самый большой удельный вес «равнодушных» в Казахстане (74%) и в Беларуси (65,2%).

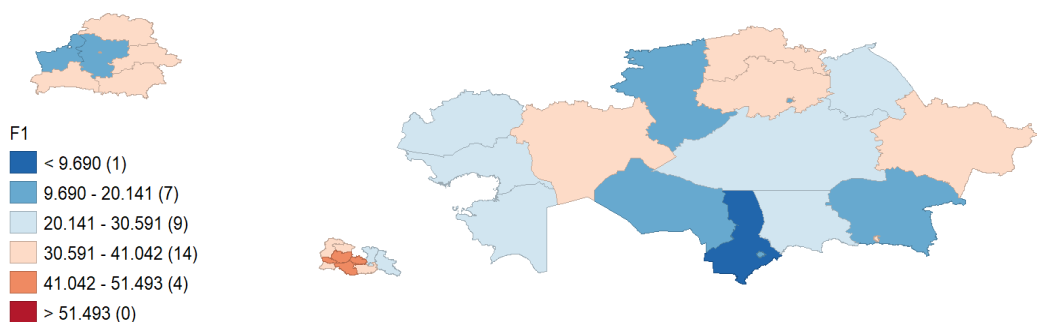

Рисунок 11. Картограмма стандартных отклонений по всем странам по вопросу повышения симпатии, если кандидат во время предвыборной кампании делал акцент на взаимоотношения с Россией

Figure 11. Cartogram of standard deviations for all countries on the issue of increasing sympathy, if the candidate during the election campaign focused on relations with Russia

Мы наблюдаем весьма существенную территориальную дифференциацию внутри государств. Так, в Витебской области РБ отмечаем наибольший процент граждан, ответивших положительно на данный вопрос (40,8%), в то время как в Гродненской и Минской областях этот показатель чуть выше 18%. При этом в данных регионах на большую часть респондентов никак не повлияли взгляды кандидатов на отношения с Россией – 81,7 и 73,6% соответственно.

Похожая картина наблюдается и в других странах: как правило, в регионах с самым низким процентом респондентов, которые чувствуют симпатию к про-российски настроенным кандидатам, велика доля тех, на кого позиция кандидатов никак не повлияла. К таким районам относятся Мцхета-Мтианети (29,6 и 65,9%) и Кахети (30 и 62,5%) в Грузии, Астана (15,4 и 84,6%) и Туркестанская область (8,1 и 91,9%) в Казахстане. В Казахстане доля лиц, для которых акцент в предвыборной кампании понижал симпатии к кандидату, ничтожно мала, как, впрочем, и в Белоруссии.

По нашей гипотезе, если кандидат делал акцент на взаимоотношениях с Россией, и это обстоятельство повышало к нему симпатию, то респондент, скорее всего, выбирал союзнический формат отношений с Россией, и, напро-

тив, если в предвыборной программе делался упор на соседнее государство, то респондент, выбрав ответ «понижало симпатию к кандидату», скорее всего, склонялся к нейтральному или даже враждебному формату. Гипотеза в полной мере подтвердилась. Разница между теми, кто выбрал ответ «повышало симпатию» и одновременно союзнические отношения, при таком же ответе на первый вопрос и при выборе нейтрального формата превышает в Грузии четыре раза, а в Казахстане и Беларуси – 20,8 и 35,9 раза (см. табл. 6). Превышение выбора нейтрального формата отношений над союзническими при ответе «понижало симпатию» менее значимо, что тоже очевидно: в Казахстане и Грузии – 2 и 2,7 раза соответственно, в Беларуси – в четыре раза.

Таблица 6. Удельный вес респондентов, по-разному относящихся к кандидатам избирательных кампаний и выбирающих различный формат взаимоотношений с Россией
Table 6. Proportion of respondents who have different attitudes to election campaign candidates and choose a different format of relations with Russia

Отношения	Союзнические	Партнёрские	Нейтральные	Враждебные
Беларусь				
Повышало симпатию	71,7	26,3	2	0
Понижало симпатию	14,3	23,8	57,1	4,8
Никак не влияло	54	35	11	0
Грузия				
Повышало симпатию	55,4	30,1	14,5	0
Понижало симпатию	15,4	20,5	41	23,1
Никак не влияло	37,2	34,6	25,6	2,6
Казахстан				
Повышало симпатию	70,7	25,9	3,4	0
Понижало симпатию	33,3	0	66,7	0
Никак не влияло	54,9	28,2	16,4	0,5

Седьмое предположение гласило, что респонденты, которые считают, что в ходе последней избирательной кампании много обсуждался вопрос отношений с Россией, в основном живут в регионах, пограничных с РФ.

Мы предположили, что жители приграничных к России регионов соседних государств скорее всего обратят внимание на то, включена ли тема России в повестку избирательной кампании, потому что для этих граждан взаимоотношения с Россией актуальнее, нежели для жителей остальных регионов. Респондентам был задан вопрос: «Обсуждались ли в ходе последней избирательной кампании взаимоотношения с Россией?» и предложены варианты ответа: «да, много», «да, немного», «нет». Напомним, что в трёх странах опрос проводился сразу после завершения избирательной кампании в национальные парламенты,

следовательно, для респондентов такой вопрос не должен был вызвать затруднений. Итог распределения ответов по странам отображен в табл. 7.

Таблица 7. Удельный вес ответов респондентов о взаимоотношениях с РФ во время последних избирательных кампаний

Table 7. The proportion of respondents' responses about relations with the Russian Federation during the last election campaigns

Страны	Да, обсуждали много	Да, обсуждали немного	Нет, не обсуждали
Беларусь	10,8	21	68,2
Грузия	13,6	26,7	59,7
Казахстан	6,9	13,2	79,9

Как видно, во всех государствах удельный вес респондентов, которые считают, что взаимоотношения с Россией много обсуждались в ходе последней предвыборной кампании, весьма невелик. Самый незначительный он в Казахстане (менее 7%), самый высокий в Грузии, но тоже не слишком существенный. Даже если суммировать оба утвердительных ответа («да, много» и «да, немного»), на тему взаимоотношений с Россией в политической повестке обратили внимание лишь 1/5 анкетированных в Казахстане, менее 1/3 в Беларуси, и лишь в Грузии эта цифра чуть превысила 40%. Это может свидетельствовать либо о небольшой вовлечённости респондентов в актуальную политическую повестку, либо о том, что для предвыборных парламентских кампаний тема взаимоотношений с РФ была маргинальной. Это вполне возможно в Белоруссии и Казахстане (на момент проведения выборов и, соответственно, проведения соцопросов), но кажется маловероятным в Грузии.

Гипотеза о внутрирегиональной дифференциации подтверждается неполностью по всем странам. О её подтверждении мы можем говорить на территории Беларуси. Похожая, но более разнородная ситуация наблюдается в Казахстане, где в группу с большим количеством утвердительных ответов попали как регионы-соседи России, так и центральные области. Аналогично обстоит дело и в группе с минимальным удельным весом, здесь есть как удалённые от России, так и пограничные области. Что касается Грузии, то здесь диаметрально противоположная гипотезе картина: респонденты в регионах-соседях меньше всего выбирали утвердительный ответ, в отличие от отдалённых областей, и в том числе Тбилиси, жители которого, пожалуй, единственные из трёх столиц, максимально обращали внимание на то, обсуждались ли взаимоотношения с Россией во время избирательной кампании. Это может свидетельствовать о том, что в Грузии самые активные в политическом смысле граждане проживают именно в столице, а тема взаимоотношения с государством-соседом в первую очередь волнует именно столичных жителей.

Подводя итоги, мы пришли к выводу, что граждане рассмотренных трёх соседних стран настроены на хорошие отношения с Россией.

При этом в основной массе опрашиваемые жители настроены весьма аполитично: они не слишком заинтересованы, чтобы в ходе избирательных кампаний отношения с Россией были самой важной повесткой дня. В Казахстане такие настроения у 40,3% опрошенных, в Беларуси самый высокий удельный вес респондентов, считающих данную тему важной, но это всего $\frac{1}{2}$ (рис. 12), и это один из вопросов, которые вызвали затруднения при ответе.

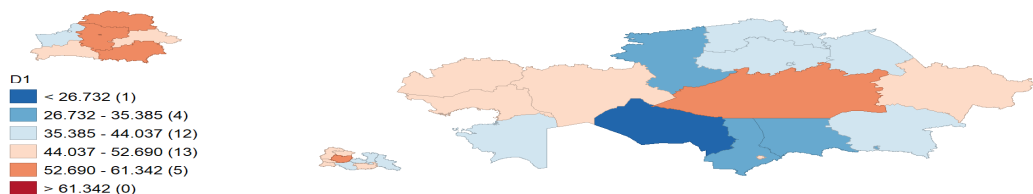

Рисунок 12. Картограмма стандартных отклонений по вопросу о важности темы взаимоотношений с РФ во время избирательной кампании по всем странам

Figure 12. Cartogram of standard deviations on the importance of the topic of relations with the Russian Federation during the election campaign in all countries

Вместе с тем респондентам важно, чтобы отношения между странами развивались в формате дружеского диалога. Возможно, этим объясняется столь высокая доля отдавших свои голоса за союзнические отношения с Россией (более половины в Беларуси и Казахстане и 42,5% в Грузии). Выбор партнёрского формата отношений во всех без исключения соседних государствах примерно одинаков: более 31,7% в Грузии, 31,8% в Беларуси, в Казахстане 27,4%. Возможно, участники опроса не до конца отдают себе отчёт в том, что может подразумеваться под «союзническими» отношениями. Может быть, только жители РБ (с властями которой в течение долгого периода происходит процесс институализации нового Союзного государства), отвечая на вопрос о формате отношений с Россией, подразумевали именно данный формат. Вполне вероятно, что для респондентов остальных стран это не отсылка к построению очередного союзнического государства, а в какой-то мере «ностальгия» по советским временам, весьма благополучным для многих жителей¹³.

Отметим также общее для всех государств – равнодушие к вопросам, связанным с темой места взаимоотношений с Россией в ходе обсуждения в избирательных кампаниях в Казахстане (6,9%), в Беларуси (10,8%) и в Грузии (13,6%) (рис. 13).

¹³ Примечательно, что никто из респондентов не просил пояснить, что подразумевается под форматом «союзнический».

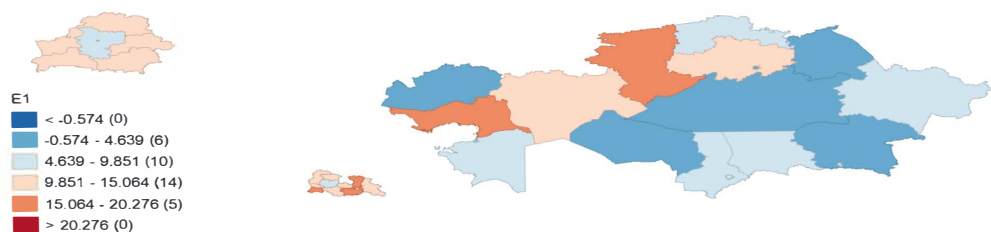

Рисунок 13. Картограмма стандартных отклонений по всем странам в ответах респондентов, которые считают, что тема взаимоотношений с Россией много обсуждалась в ходе последней избирательной кампании

Figure 13. Cartogram of standard deviations for all countries in the responses of respondents who believe that the topic of relations with Russia was discussed a lot during the last election campaign

По итогам проведённого исследования страны-соседи, в которых проходили социологические опросы, можно разделить на два типа: первый – Беларусь и Казахстан, второй – Грузия.

Выделенные типы отличаются между собой по ряду параметров, в частности, по отношению к формату взаимоотношений, по политической повестке, отношению к соседнему государству, социальным практикам, сложившимся в ходе взаимоотношений с Россией. Это вполне объяснимо, поскольку выбранные для исследования страны демонстрировали противоположно направленные треки в постсоветской эволюции взаимоотношений государств-соседей: добрососедские и направленные на разные формы интеграции с РФ (РБ и РК) и центробежные, часто принимающие высококонфликтный характер (Грузия). Тем не менее наши исследования, проведённые до 2022 г., зафиксировали потенциал для восстановления отношений, драйвером которых могут быть обычные граждане, которые ориентированы на конструктивные и дружественные связи.

Можно выделить несколько линий размежеваний: «макрорегиональная, геополитическая» – Беларусь и Казахстан, с одной стороны, Грузия – с другой.

Второй раскол по линии «центр – периферия» проходит внутри государств. Такое размежевание выделяли многие исследователи, в частности, А.С. Ахременко (Ахременко 2003), Р.Ф. Туровский (Туровский 2006). Они говорили о расколе применительно к России, однако такие же размежевания мы обнаружили в Беларуси («Минск и вся остальная страна»¹⁴), отчасти в Грузии и в Казахстане.

Мы допускаем вероятные размежевания по линиям север – юг в Грузии (Шестакова 2021: 156); в какой-то степени в Казахстане – по линии север – центр – юг (Виноградов: 2020: 177), как результат территориальной дифференциации в проживании русских в северных областях республики, где более чётко про-

¹⁴ Окунев И., Шестакова М., Бибина Э. Минск и вся остальная страна: территориальная дифференциация электорального поведения жителей Белоруссии. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/differenciaczziya-belorussii/> (дата обращения: 25.12.2022).

являются симпатии к России, нежели в отдалённых от неё южных регионах; и немного в Беларуси – в регионах, пограничных с Россией и Украиной (Okunev, Shestakova, Bibina 2020).

При анализе электорального поведения населения метод массовых социологических опросов целесообразно дополнить другими инструментами, в частности качественными методами.

Об авторах:

Игорь Юрьевич Окунев – кандидат политических наук, доцент, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: iokunev@mgimo.ru

Марианна Николаевна Шестакова – кандидат географических наук, ведущий эксперт Управления магистерской подготовки, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: marianna@rapn.ru.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Финансирование РФ, грант № 19-78-10004 (2019-2024) «Трансформации электорального поведения в регионах зарубежных стран, пограничных с Российской Федерацией: сравнительный пространственный анализ», реализуемый научным коллективом МГИМО МИД России.

UDC: 327.83
Received: October 05, 2022
Accepted: December 10, 2022

Foreign Policy Orientation and Electoral Behavior: Analyzing Opinion Polls in Belarus, Georgia, and Kazakhstan

I.Yu. Okunev, M.N. Shestakova
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-55-85](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-55-85)

Moscow State Institute of International Relations (University)

Abstract: In the post-pandemic years of 2021–2022, the post-Soviet space has entered a stage of decisive transformation, which will test the maturity of the state institutions formed 30 years ago for the region's countries. The study captures a snapshot of public sentiment

in these countries on the eve of this wave of transformation - it is based on a series of large-scale opinion polls in Belarus, Georgia and Kazakhstan, conducted immediately after the last elections to the lower houses of the parliaments of these countries in the pre-crisis era. The main research question of the sociological study was to identify demographic and geographical patterns in determining the attitude of voters toward the prospects for relations with Russia. Countries with traditionally different strategies of relations with Russia were taken: Belarus is a strategic ally, Kazakhstan is friendly but pursues a multi-vector policy, and Georgia is generally hostile at the level of the political class. The analysis showed that in matters of orientation towards positive relations with Russia, the voters of these countries nevertheless had more in common than differences. Based on the analysis results, several lines of delimitation can be distinguished. Firstly, the "macro-regional, geopolitical" line runs between Belarus and Kazakhstan, on the one hand, and Georgia, on the other. The second split along the "center-periphery" line takes place within states, i.e., Such a demarcation was singled out by many researchers, singled out concerning Russia; however, we found the same demarcations in Belarus ("Minsk and the rest of the country") partly in Georgia and Kazakhstan. Finally, the authors admit to it the possibility of delimitation along the north-south lines: in Georgia and, to some extent, in Kazakhstan, as a result of territorial differentiation in the residence of Russians in the northern regions of the republic, where sympathy for Russia is more clearly manifested than in the southern regions remote from it; and this demarcation is less pronounced in Belarus, where it refers to the regions bordering Russia and Ukraine.

Keywords: electoral geography, post-Soviet space, Belarus, Georgia, Kazakhstan, sociological survey, foreign policy orientation

About the authors:

Igor Yu. Okunev – Ph.D. in Political Science, Associate Professor, Director, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University. Address. 119454, Moscow, Vernadsky Avenue, 76. E-mail: iokunev@mgimo.ru

Marianna N. Shestakova - Ph.D. in Geography, Leading Expert of the Department of Master's Training, Senior Lecturer at the Department of Comparative Political Science, MGIMO University. Address. 119454, Moscow, Vernadsky Avenue, 76. E-mail: marianna@rapn.ru

Conflict of interest:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

RNF funding, grant No. 19-78-10004 (2019-2024) "Transformations of electoral behavior in the regions of foreign countries bordering the Russian Federation: a comparative spatial analysis", implemented by the MGIMO research team of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

References:

- Alexander M.G., Levin S., Henry P.J. 2005. Image Theory, Social Identity, and Social Dominance: Structural Characteristics and Individual Motives Underlying International Images. *Political Psychology*. 26(1). P. 27–45. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2005.00408.x
- Boulding K.E. 1959. National Images and International Systems. *Journal of conflict resolution*. 3(2). P. 120–131.
- Castano E., Bonacossa A., Gries P. 2015. National Images as Integrated Schemas: Subliminal Primes of Image Attributes Shape Foreign Policy Preferences. *Political Psychology*. 37(3). P. 351–366. DOI: 10.1111/pops.12259

Deutsch K. et al. 1957. *Political Community and the North Atlantic Area: International organization in the light of historical experience*. Princeton: Princeton University Press. 228 p.

Fisher A. 2020. Demonizing the Enemy: the Influence of Russian State-Sponsored Media on American Audiences. *Post-Soviet Affairs*. 36(4). P. 281-296.

Jervis R. 1970. *The Logic of Images in International Relations*. Princeton: Princeton University Press. 281 p.

Hazbun W. 2011. The Middle East through the lens of critical geopolitics: Globalization, terrorism, and the Iraq war. In Michael E. Bonine, Michael Gasper, and Abbas Amanat, eds. *Is There a Middle East? The Evolution of a Geopolitical Concept*. Stanford: Stanford University Press. P. 207-230.

Kalinina E., Menke M. 2016. Negotiating the Past in Hyperconnected Memory Cultures: Post-Soviet nostalgia and National Identity in Russian Online Communities. *International Journal of Media & Cultural Politics*. 12(1). P. 59-74. DOI: 10.1386/macp.12.1.59_1

Kunczik M. 1996. *Images of Nations and International Public Relations*. London and New York: Routledge. 337 p.

Kolossov V. 2003. 'High' and 'Low' Geopolitics: Images of Foreign Countries in the Eyes of Russian Citizens. *Geopolitics*. 8(1). P. 121-148. DOI: 10.1080/714001015

Kolossov V. 2013. The Vision of Europe and the world as seen by large powers: The case of the BRIC countries. *Geographia Polonica*. 86(2). P. 89-98. DOI: GPol.2013.10

Lee M. 2011. Nostalgia as a Feature of "Glocalization": Use of the Past in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs*. 27(2). P. 158-177. DOI: 10.2747/1060-586X.27.2.158

Mazur L. 2015. Golden Age Mythology and the Nostalgia of Catastrophes in post-Soviet Russia. *Canadian Slavonic Papers*. 57(3-4). P. 213-238. DOI: 10.1080/00085006.2015.1090731

Okunev I.Yu., Shestakova M.N., Bibina E.S. 2020 Neighborhood with Russia: Implications for Regional Differentiation of Public Opinion in Belarus. *Russia in Global Affairs*. 18(4(72)). P. 10-36.

O'Reilly K.P. 2007. Perceiving Rogue States: The Use of the "Rogue State" Concept by US foreign Policy Elites. *Foreign Policy Analysis*. 3(4). P. 295-315. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2007.00052.x

Schweller R.L. 2004. Unanswered Threats: A Neoclassical Realist Theory of Underbalancing. *International Security*. 29(2). P. 159-201. DOI: 10.1162/0162288042879913

Sharp J. 2011. A subaltern Critical Geopolitics of the War on terror: Postcolonial Security in Tanzania. *Geoforum*. 42(3). P. 297-305. DOI: 10.1016/j.geoforum.2011.04.005

Sriramesh K., Verčič D. 2003. *The Global Public Relations Handbook Theory, Research, and Practice*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates. 564 p.

Strüver A. 2007. The Production of Geopolitical and Gendered Images through Global aid Organisations. *Geopolitics*. 12(4). P. 680-703. DOI: 10.1080/14650040701546111

White S. 2010. Soviet Nostalgia and Russian Politics. *Journal of Eurasian studies*. 1(1). P. 1-9. DOI: 10.1016/j.euras.2009.11.0

Akhremenko A.S. 2005. Strukturirovanie elektoral'nogo prostranstva v rossijskikh regionah: faktornyj analiz parlamentskikh vyborov 1995 [Structuring the Electoral Space in Russian Regions: Factor Analysis of the 1995 Parliamentary Elections]. *Polis*. №2. P. 26-46. (In Russian)

Belanovsky S.A. 2019. *Glubokoe interv'yū i fokus gruppy* [In-depth Interviews and Focus Groups]. Moscow. 371 p. (In Russian)

Bryman A., Bell E. 2012. *Metody social'nyh issledovanij. Gruppy, organizacii i biznes* [Methods of Social Research. Groups, Organizations and Businesses]. Publishing house of the Humanitarian Center. 776 p. (In Russian)

Kazantsev A.A., Merkushev V.N. 2008. Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya "myagkoj sily" [Russia and the post-Soviet Space: Prospects for the Use of "Soft Power"]. *Polis. Political studies*. №2. P. 122-135. (In Russian)

Kotlyarov I.V. 2013. Dinamika vzaimootnoshenij Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus': sociologicheskij analiz [Dynamics of relations between the Russian Federation and the Republic of Belarus: Sociological Analysis]. *The Sociological Almanac*. №4. P. 107-119. (In Russian)

Lebedeva M.M., Kharkevich M.V. 2014. «Myagkaya sila» Rossii v razvitii integracionnyh processov na evrazijskom prostranstve [The Role of the Russian Soft Power in Eurasian Integration]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(35). From 10-13. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-10-13 (In Russian)

Loshkarev I.D. 2015. Rol' diaspor v sovremennoj mirovoj politike [The Role of Diasporas in the Current World Politics]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(41). C. 120-126. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126 (In Russian)

Manakov A.G. 2016. Faktor granicy v zhizni naseleniya zapadnyh rajonov Pskovskoj oblasti [The Border Factor in the Life of the Population of the Western Districts of the Pskov Region]. *Socio-economic, Geopolitical and Socio-Cultural Problems of the Development of the Border Regions of Russia Materials of the XXXII annual session of the Economic and Geographical Section of MARS*. P. 190-198. (In Russian)

Manakov A.G. 2021. Osnovnye trendy etnicheskoy i yazykovoj transformacii postsovet-skogo prostranstva [The Main Trends of Ethnic and Linguistic Transformation of the post-Soviet Space]. *History, Theory, Methods, Practice. Collection of scientific articles of the VII All-Russian Scientific Conference with international participation*. Smolensk. pp. 339-346. (In Russian)

Mosaki N.Z. 2018. Etnicheskaya kartina Gruzii po rezul'tatam perepisi 2014 g. [Ethnic Picture of Georgia according to the Results of the 2014]. *Ethnographic review*. №1. P. 104-120. (In Russian)

Okunev I.Yu. 2009. Geograficheskoe voobrazhenie kak predmet issledovaniya kriticheskoy geopolitiki (obzor) [Geographical Imagination as a Subject of Critical Geopolitics Research (Review)]. *Political science*. №4. P. 126-137. (In Russian)

Okunev I.Yu., Shmatkova L.P. 2021. Effekt sosledstva v Bol'shoj Evrazii: prostranstvennyj avtokorrelacionnyj i klasterij analiz. [Neighborhood effect in Greater Eurasia: spatial autocorrelation and cluster analysis]. *News of Irkutsk State University. Political Science series. Religious Studies*. Vol. 37. P. 58-65. (In Russian)

Popova O.V. 2019. Gosudarstvennaya politika identichnosti kak teoreticheskij konstrukt i real'naya praktika: opyt ekspertnyh ocenok rossijskih issledovatelej [State identity policy as a Theoretical Construct and Real Practice: the Experience of Expert Assessments of Russian Researchers]. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 20(4). P. 74-91. (In Russian)

Savchuk G.A., Frants V.A., Saidmagomedova D.S. 2022. Effekt strany proiskhozhdeniya v reputacii rossijskoj metallurgicheskoy produkcii na rynkah stran Central'noj Azii [The Country-of-Origin Effect on the Reputation of Russian Metallurgical Products in Central Asian Markets]. *MGIMO Review of International Relations*. 15(1). P. 207-229. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-207-229 (In Russian)

Shestakova M.N. 2019. Elektoral'nye processy v pogranich'e: k postanovke problemy [Electoral Processes in the Borderlands: towards the Formulation of the Problem]. *Trajectories of Russia's Political Development: institutions, projects, actors. Materials of the All-Russian scientific conference RAPN with international participation*. Moscow Pedagogical State University. Moscow. P. 443-444. (In Russian)

Shestakova M.N. 2021. Territorial'naya differenciaciya obshchestvennyh nastroyenij v sovremennoj Gruzii (opyt sociologicheskogo oprosa) [Territorial Differentiation of Public Attitudes in Modern Georgia (the Experience of a Sociological Survey)]. *Social and humanitarian knowledge*. 7(2). P. 146-157. (In Russian)

Suzdaltsev A.I. 2020. Krizis soyuznogo gosudarstva Belorussii i Rossii [The Crisis of the Union state of Belarus and Russia]. *World Economy and International Relations*. 64(3). P. 56-67. (In Russian)

Tarasov I.N. Fidrya E.S. 2016. Geografiya elektoral'noj volatil'nosti v Varminsko-Mazurskom voevodstve Pol'shi [The Geography of Electoral Volatility in the Warmian-Masurian Voivodeship of Poland]. *The Baltic region*. 8(4). P. 78-89. (In Russian)

Turovsky R.F. 2006. Regional'noe izmerenie elektoral'nogo processa [Regional Dimension of the Electoral Process]. *Social sciences and modernity*. №5. P. 1-20. (In Russian)

Venkatesh S. 2017. *Glavar' bandy na den'. Izgoj-sociolog vyhodit na ulicy* [The Leader of the Gang for the Day. An Outcast Sociologist Takes to the Streets]. Moscow: Ripol Classic. 320 p. (In Russian)

Vinogradov V.V. 2020. Kazakhstan kak chast' postsovetского prostranstva: osobennosti elektoral'nogo processa [Kazakhstan as a Part of the post-Soviet Space: Features of the Electoral Process]. *The Eurasian Union: Issues of International Relations*. 9(3(33)). P. 166-180. (In Russian)

Zarubina N.E. 2018. Rol' ocenочноj leksiki v formirovanii obraza Rossii v zapadnyh SMI. [The role of Evaluative Vocabulary in Shaping the Image of Russia in the Western media]. *Bulletin of Kostroma State University*. 24(2). P. 244-247. (In Russian)

Zinoviev A.S. 2015. Geopoliticheskij raskol v elektoral'noj geografii Litvy [The Geopolitical Split in the Electoral Geography of Lithuania]. *Regional studies*. 3(49). C. 48-56. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Браймен А., Белл Э. 2012. *Методы социальных исследований. Группы, организации и бизнес*. Изд-во Гуманитарный Центр. 776 с.

Ахременко А.С. 2005. Структурирование электорального пространства в российских регионах: факторный анализ парламентских выборов 1995. *Полис*. №2. С. 26-46.

Белановский С.А. 2019. *Глубокое интервью и фокус группы*. Москва. 371 с.

Венкатеш С. 2017. *Главарь банды на день. Изгой-социолог выходит на улицы*. Москва: Рипол классик. 320 с.

Виноградов В.В. 2020. Казахстан как часть постсоветского пространства: особенности электорального процесса. *Евразийский союз: Вопросы международных отношений*. 9(3(33)). С.166-180.

Зарубина Н.Е. 2018. Роль оценочной лексики в формировании образа России в западных СМИ. *Вестник Костромского государственного университета*. 24(2). С. 244-247.

Зиновьев А.С. 2015. Геополитический раскол в электоральной географии Литвы. *Региональные исследования*. 3(49). С. 48-56.

Казанцев А.А., Меркушев В.Н. 2008. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования "мягкой силы". *Полис. Политические исследования*. №2. С. 122-135.

Котляров И.В. 2013. Динамика взаимоотношений Российской Федерации и Республики Беларусь: социологический анализ. *Социологический альманах*. №4. С. 107-119.

Лебедева М.М., Харкевич М.В. 2014. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(35). С 10-13. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-2-35-10-13

Лошкарёв И.Д. 2015. Роль диаспор в современной мировой политике. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(41). С. 120-126. DOI: 10.24833/2071-8160-2015-2-41-120-126

Манаков А.Г. 2016. Фактор границы в жизни населения западных районов Псковской области. *Социально-экономические, геополитические и социокультурные проблемы развития приграничных районов России. Материалы XXXII ежегодной сессии экономико-географической секции МАРС*. С. 190-198.

Манаков А.Г. 2021. Основные тренды этнической и языковой трансформации постсоветского пространства. *Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сборник научных статей VII Всероссийской научной конференции с международным участием*. Смоленск. С. 339-346.

Мосаки Н.З. 2018. Этническая картина Грузии по результатам переписи 2014 г. *Этнографическое обозрение*. №1. С. 104-120.

Окунев И.Ю., Шматкова Л.П. 2021 Эффект соседства в Большой Евразии: пространственный автокорреляционный и кластерный анализ. *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение*. Т. 37. С. 58-65.

Окунев И.Ю. 2009. Географическое воображение как предмет исследования критической геополитики (обзор). *Политическая наука*. №4. С. 126-137.

Попова О.В. 2019. Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей. *Южно-российский журнал социальных наук*. 20(4). С. 74-91.

Савчук Г.А., Франц В.А., Сайдмагомедова Д.С. 2022. Эффект страны происхождения в репутации российской металлургической продукции на рынках стран Центральной Азии. *Вестник МГИМО-Университета*. 15(1). С. 207-229. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-207-229

Суздальцев А.И. 2020. Кризис союзного государства Белоруссии и России. *Мировая экономика и международные отношения*. 64(3). С. 56-67.

Тарасов И.Н. Фидря Е.С. 2016. География электоральной волатильности в Варминско-Мазурском воеводстве Польши. *Балтийский регион*. 8(4). С. 78-89.

Туровский Р.Ф. 2006. Региональное измерение электорального процесса *Общественные науки и современность*. №5. С. 1-20.

Шестакова М.Н. 2019. Электоральные процессы в пограничье: к постановке проблемы. *Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. Московский педагогический государственный университет*. Москва. С. 443-444.

Шестакова М.Н. 2021. Территориальная дифференциация общественных настроений в современной Грузии (опыт социологического опроса). *Социальные и гуманитарные знания*. 7(2). С. 146-157.